

4. ГАСК, ф.79., оп. 1., д. 425. Л. 6–7 об.
5. РГИА, ф.1263., оп.1, д. 660. Л. 662–663.
6. ГАСК, ф.79., оп. 1., д.478.Л. 3–4 об.
7. Шевченко Г. А. На земле предков. Пятигорск, 2002. С. 62–63.
8. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.
9. ГАСК, ф.79, оп.1, д.482. Л.78–79.
10. Скрипник А. В. Деятельность генерала Георгия Арсеньевича Емануеля на Северном Кавказе (1826–1831 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск. 2005.
11. ГАСК, ф.79, оп.1, д.483. Л. 5.
12. Пушкин А. С Сочинения в 3-х томах. М., 1987. С. 374.

УДК 94:31 (470.63)

Покотилова Татьяна Евгеньевна

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РЕШЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СТАВРОПОЛЯ

В статье исследуется процесс становления и содержание благотворительной практики в г. Ставрополе в XIX – начале XX вв. как фактора, во многом влиявшего на решение ряда проблем муниципальной жизни.

Ключевые слова: благотворительность, г. Ставрополь, отечественная система общественного призрения и частной благотворительности, проблемы муниципальной жизни, общественные благотворительные организации.

Pokotilova Tatyana E.

CHARITY IN SOLVING MUNICIPAL PROBLEMS OF STAVROPOL IN PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

This article is devoted to the investigation of the process of formation and content of charitable practice in Stavropol in XIX – early XX centuries as the factor largely influencing the solution of a number of problems of municipal life.

Key words: charity; Stavropol; the system of public and private charity in Russia; problems of municipal life; public charity organizations.

Предметно исследуя в течение многих лет различные аспекты истории отечественной благотворительности [28; 29] в опоре на методологии социального познания М. Вебера, З. Дюркгейма, П. Сорокина и К. Маркса, автор выявила прямую связь между мотивационной основой благотворительности и механизмом реализации целей социальной нравственности. Ведь уже первобытный человек, как член первобытного социума, имел двоякое побуждение к действиям: с одной стороны, – сохранять свое биологическое «я» в качестве отдельной особи, с другой, – в качестве члена коллектива, – нести все его тяготы и приносить жертвы, чтобы с его помощью выживать и пользоваться другими преимуществами жизни в обществе [29, с. 11–12].

Более того, – по мере усложнения общественных связей благотворительность, как значимый социокультурный феномен, закономерно приобретает статус объекта взаимоотношений основных звеньев социальной структуры на всем протяжении общественной истории и становится неотъемлемой частью политической культуры, совмещающей в себе функции политической структуры и компонента культуры. А ведь именно политическая культура является одним из тех факторов, что определяют пути, темпы и специфику развития государства, поскольку представляет собой сложный комплекс идей, принципов, стереотипов, традиций, в центре которого стоит государство с его влиянием на все сферы жизни общества и широким спектром внутренних и внешних факторов.

При всей традиционной автократичности российской власти государство, создавая и контролируя, в качестве социального института и института публичного права, отечественную систему социальной помощи, не только не отвергало участия в ней отдельной личности, но и всячески привлекало и поддерживало общественные усилия в благотворительной сфере.

К моменту начала активного гражданского освоения территории степного Предкавказья феномен отечественной благотворительности имел длительную и насыщенную разномасштабными собы-

тиями историю существования. Прочные традиции лежали в основе системы общественного призрения и частной благотворительности, действовавшей в Российской империи к концу XVIII века. Данная система имела ряд важнейших особенностей, обусловленных особой ролью православной церкви в формировании нашей государственности и самой этой системы, характером российской власти, сословной структурой отечественного социума и рядом иных, не менее значимых факторов.

Распространение действия системы отечественного благотворения на территорию Ставрополя проходило параллельно с формированием его гражданской администрации, составной частью которой стал с 1804 г. и Кавказский (Ставропольский) Приказ общественного призрения [17].

Приказ был создан и действовал на основании Учреждения о губерниях 1775 г. [30, с. 229–304]. Основной его задачей было руководство делами призрения через «устроение заведений для доставления пристанища, покрова, пропитания, пособия бедным сиротам, больным, престарелым, увечным, неизлечимым» (богадельни, сиротские дома, больницы и дома для умалишенных, рабочие дома). Что касается частной благотворительности, то Приказу общественного призрения вменялось в обязанность никому в ней не препятствовать, «лишь бы установление сходствовало общим для установлений предписанным правилам...». Вся деятельность Приказа строилась в соответствии с нормативно закрепленным принципом сословности в призрении, предполагавшим инициативу и финансовую ответственность сословий за призрение недостаточных их членов.

Наличие достаточного количества земли, политика власти по оказанию определенной поддержки переселенцам, в том числе, и через укрепление крестьянской общины и семьи; наличие спроса на рабочую силу в условиях военной обстановки и освоения региона обеспечивали относительное благополучие большинства славянского населения Ставрополя в первой половине XIX в. – 1860-е годы. Хотя, сложности переселения и особенности военной обстановки, непривычный климат при отсутствии какой-либо медицинской помощи, необходимость освоения целинных земель постепенно формировали круг потенциальных нуждающихся в различных видах социальной помощи.

Указанное, наряду с такими факторами, как удаленность территории от центра и наличие множества иных, более актуальных для решения, проблем осваиваемого региона предопределило медлительность и скудость в масштабах и формах деятельности располагавшегося в г. Ставрополе Кавказского (Ставропольского) Приказа общественного призрения, практически, до 1830-х годов. Выдача единовременных или постоянных пособий нуждающимся и помощь в определении некоторых из них, не имевших родственников, в заведения призрения соседних регионов или в редкие семьи, соглашавшиеся взять на себя опекунические обязанности, составляли основное содержание работы Приказа в это время.

Лишь в июне 1833 года в Ставрополе впервые была открыта богадельня Приказа общественного призрения на 40 человек [18]. Ее учредили на средства, пожертвованные Ф. Стасенковым. В ней нашли приют и уход сироты и дети заключенных, бродяги, инвалиды, в том числе, и из мещан – жителей г. Ставрополя.

К 1853 году среди заведений Ставропольского приказа общественного призрения числились: богадельня с 72-мя призреваемыми; больница, рассчитанная на призрение 300 человек ежегодно; дом умалишенных, размещавшийся рядом с больницей [1, с. 84–85]. Конечно же, жители города Ставрополя находились, в этом смысле, в более привилегированном положении, поскольку заведения Приказа располагались на городской территории. Как и муниципальные власти имели возможность более оперативно и полноценно решать проблемы нуждающихся в социальной опеке из 12 408 горожан, числившихся в Ставрополе на январь 1850 г. (духовенство – 106 чел.; служащие военного и гражданского ведомства – 1 757 чел.; купцы, мещане, разночинцы – 10 545 чел.) [24, с. 364–365], и иных людей, не приписанных к городу (например, в 1854 году только по статье «бродяжничество» в Ставрополе были осуждены 255 человек) [1, с. 94].

Но обязательное следование Приказа принципу сословности в организации призрения в условиях молодого города со слабо представленным дворянством, находящимся в стадии организационного сословного оформления мещанством, многочисленными отставными военными и гражданскими чиновниками в отставке и их вдовами, крестьянским населением, в том числе, переселенческим, вкупе с сильной бюрократизацией приказной деятельности не могли удовлетворить постоянно растущие в числе муниципальные запросы в сфере компетенции Приказа общественного призрения. Более того, – в документах, регламентирующих осуществление государственно-

общественного попечения о социально недостаточном населении, на органы городского самоуправления обязанности, с этим связанные, как это ни парадоксально, не распространялись.

Созданная же в 1808 году дума г. Ставрополя [6], как и органы самоуправления всех более-менее значимых российских городов, не могла оставаться в стороне от решения проблем страждущих горожан, которых город не только в значительном количестве воспроизводил, но и притягивал. Тем более, в ее компетенцию как исполнительного органа входило, согласно Жалованной грамоте городам от 21 апреля 1785 г., наряду со многим прочим, доставлять жителям города нужные пособия к их прокормлению или содержанию [см. об этом подробнее: 23, с. 46]. И делать это, из-за традиционной бедности городского бюджета, городские власти в требуемых объемах могли, только прибегая в помощи состоятельных горожан и состоятельных сословных обществ, а со временем – и объединявшихся для совместных гражданских действий социально активных горожан.

Так, с 1833 г. городская Дума практиковала «добровольную подписку» среди купцов для помощи бедным горожанам. В фонде 95 Государственного архива Ставропольского края отложились ведомости таких подписок, в которых присутствуют фамилии большинства купцов, проживавших в Ставрополе в разное время: И. Волобуева, Ф. Стасенкова, Н. Алафузова, И. А. Алафузова, О. Ф. Алафузовой, В. А. Алафузова, Ф. Тарасова, К. Чернова, И. Ганиловского, В. И. Волобуева, П. И. Волобуева, С. Ф. Деревщикова, Н. М. Плотникова, В. Ф. Стасенкова, К. И. Стасенкова и многих других [см., например: 9; 34, с. 54].

Для привлечения к благотворительному участию в судьбе недостаточных горожан как можно большего количества людей со временем городские власти стали использовать газету «Ставропольские губернские ведомости». На ее страницах публиковались «краткие биографические очерки таких лиц и семейств, жалкое положение которых заслуживает особенного внимания» [1, с. 76].

Состоятельные горожане первой половины XIX века (Н. М. Плотников, В. А. Тарасов, К. Чернов, И. Волобуев, С. Ермолов и др.) в условиях отсутствия у молодого города собственных присутственных мест не только предоставляли для этого в бесплатное пользование собственные здания, но и принимали деятельное участие в сборе средств на строительство городского здания для постоянного размещения в нем присутственных мест [5].

Подобная активность, но уже в связи с организованным сбором средств в пользу учебных заведений города, постепенно также стала частью повседневной жизни значительного количества имущих горожан [8; 7].

В 1853 году в Ставрополе была открыта первая публичная библиотека [35, с. 1]. Большая часть средств на ее строительство и обустройство была собрана также через пожертвования [35, с. 2].

Первый городской водопровод с необходимыми бассейнами был создан на деньги и усилиями купцов Г. И. Тамамшева и М. И. Якунчикова уже в 40-е годы XIX века [4; 16].

Современным освещением ряда основных своих улиц с 1850 года Ставрополь был обязан коммерции советнику Кокареву, за свой счет переделавшему под спирто-скипидарную жидкость городские фонари и оплачивавшему в течение года их содержание [1, с. 76].

Практически всегда пример в активной благотворительности горожанам подавали главы города – представители купеческого сословия. Н. М. Плотников, В. А. Тарасов, Н. Алафузов, С. Ф. Деревщиков, неоднократно избираясь на должность городского главы, предоставляли собственные помещения под размещение городских учебных заведений [34, с. 17–18, 19], постоянно инициировали и участвовали в сборе средств для бедных [3; 34, с. 54–55 и др.].

Названные и многие иные формы деятельного участия ставропольцев в благотворительности в пользу нуждающихся горожан и самого города, став, практически привычной частью городской повседневности, в качестве сформировавшейся традиции особенно пригодились городу и горожанам с последней четверти XIX века. Что связано было не только с активно развивавшимися модернизационными процессами в регионе и стране, сопровождаемыми ростом бедности и активными переселенческими процессами, но и с введением в эксплуатацию в 1875 г. Ростово-Владикавказской железной дороги, оставившей Ставрополь в стороне от торгово-экономических путей. Последнее особенно ударило по бюджету города, т. к. значительная часть предпринимателей постепенно перебралась из Ставрополя в города с большими возможностями для ведения предпринимательской деятельности.

Хотя составляющие к этому времени большинство населения растущего города (к 1 января 1883 г. в Ставрополе проживало 34 503 чел. [32, с. 1]) мещане уже организационно оформились

и укрепились в городе как сословие. Что позволило сословной организации мещан г. Ставрополя значительно расширить практику выдачи внутри сословия различных пособий [2] и даже открыть в 1882 г. сословный Дом призрения на 30 человек [19].

По-прежнему состоятельные жители города жертвовали городу средства, отдельную недвижимость и даже имения для оказания различной помощи нуждающимся в ней горожанам. К наиболее крупным акциям здесь можно отнести такие, как дарение в 1879 г. гласным Думы г. Ставрополя Ф. М. Салминым имения стоимостью более 15 тыс. рублей серебром для городской больницы и дома призрения бедных [10] и в 1891 г. Приказу общественного призрения – нового помещения своей дачи под богадельню [37, с. 1].

12 февраля 1888 г. Дума города решила открыть на средства, завещанные городу купцом И. П. Зиминым, ночлежный приют [11]. Л. Е. Павлов пожертвовал свою благоустроенную дачу с садом городу для организации дома для призрения престарелых горожан и школы для обучения детей садоводству, оставив для этого и необходимые средства. В 1896 г. А. Ф. Нестеров пожертвовал городу 2 286 десятин 1 800 соток земли на реке для благотворительных целей [39, с. 321]. В 1909 г. Е. К. Попова и ее дочь Анна пожертвовали городу 100 тысяч рублей серебром на строительство соматической больницы [13].

Подобного рода благотворительные акции, пусть даже и с меньшими объемами пожертвований и по другим направлениям, были нередкими в истории Ставрополя конца XIX – начала XX вв., чему свидетельством – и награждение ряда других горожан различными государственными наградами и званиями Почетных горожан [38, с. 2; 12; 14]. Но при постоянно растущих проблемах городского населения это позволяло решать лишь отдельные из них.

Поэтому немаловажным фактором в сфере социального попечения, заявившим и набиравшим силу в Ставрополе, как и по всей стране, стало расширение присутствия в нем организованного общественного элемента. Речь идет о рождении и деятельности общественных организаций, посвятивших себя благотворительности.

В самом Ставрополе уже имелся многолетний опыт функционирования такой организации. Еще в 1849 г. в городе открытием женского училища с 6-летним курсом обучения начало свою работу женское благотворительное общество Св. Александры, созданное для обучения и воспитания бедных девиц – дочерей жителей Ставропольской губернии под патронажем супруги Наместника Кавказского М.С. Воронцова [1, с. 76]. За редким исключением девочки обучались за счет средств этой благотворительной организации [34, с. 49]. Известно, что к концу XIX в. Ставропольское благотворительное общество Св. Александры имело капитал в 125 тысяч рублей и расходовало ежегодно до 40 тысяч рублей на содержание 7-классной женской гимназии Св. Александры и обучение 300 ее воспитанниц [39, с. 324].

Общество вспомоществования беднейшим ученикам Ставропольской мужской гимназии; Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской 3-ей женской гимназии; Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольских женских гимназий Ольгинской и Св. Александры вплоть до 1917 года, в опоре на опыт этого первого в истории ставропольского городского образования благотворительного общества, помогали детям из городских семей, не имевших серьезного достатка, получать гимназическое образование.

Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе, начавшее свою деятельность в ноябре 1878 г. [36], на рубеже XIX–XX веков помогало в получении начального образования и занималось внешкольным воспитанием городского населения. Общество содержало два народных училища (89 чел.) с послеобеденными классами на 92 чел. при них, воскресные школы, две бесплатные библиотеки-читальни, одну доступную платную библиотеку [41, с. 390]. А в 1914 г. Общество содержало уже три школы, обучая бесплатно 250 чел., и шесть библиотек [21, с. 47].

Оказанием благотворительной помощи в Ставрополе занимались как светские общественные объединения, так и церковно-общественные организации. Создаваемые последовательно с 1870-х гг., Братство св. апостола Андрея Первозванного, Владимирское православное братство, Ставропольское Андреевско-Владимирское братство значительную часть своей работы посвящали социальному попечению. Организация и содержание бесплатной столовой для бедных, «убежища» для бесприютных детей и дома для беспомощных престарелых помогали городу решать проблемы «недостаточных» людей.

Ставропольский временный благотворительный комитет для пособия пострадавшим от неурожая 1891 г., прибывшим в губернский город Ставрополь [20]; Ставропольское Общество помощи бедным, начавшее свою работу в городе в конце 1897 г. [33]; Ставропольское на Кавказе общество содействия воспитанию и защиты, открытое в 1898 г. [25, с. 29], – общественные благотворительные организации, взявшие, во многом, на себя в конце XIX века решение растущих городских проблем в социальной сфере. Более того, – опыт их успешной работы был вскоре востребован созданным решением Думы г. Ставрополя в 1902 г. городским Попечительством о бедных [26, с. 2]. Последнее, работая под патронажем городской управы и создав участковые попечительства, старалось, по возможности, координировать деятельность всех участников городской благотворительной практики.

На всем протяжении своей истории дореволюционный Ставрополь был и местом деятельности отделений ряда общероссийских благотворительных ведомств, таких, как Российское общество Красного Креста, Российское Общество попечительное о тюрьмах с Комитетом по разбору нищих, Общество «Патронат» и др. Как учреждения полугосударственного – полуобщественного характера, они имели достаточно средств для осуществления своей деятельности и притягивали, в силу кураторства со стороны членов императорской фамилии, большое количество участников. Это позволяло им помогать Ставрополю в решении ряда социальных проблем из сферы их компетенции. Например, во многом благодаря усилиям членов общества «Патроната» в Ставрополе был открыт Дом трудолюбия (1910 г.) [27, с. 8].

Иноконфессиональные и национальные благотворительные объединения (Римско-католическое общество пособия бедным, Ставропольское мусульманское благотворительное общество, Дамское общество бедным евреям г. Ставрополя, Дамский кружок общества вспомоществования недостаточным учащимся и бедным армянам в губернском городе Ставрополе), созданные в городе в 1903–1909 гг., были также достаточно успешны в предоставлении различных видов помощи своим менее успешным собратьям, прежде всего, из числа горожан.

При всей многочисленности и достаточно высокой активности благотворительных структур, представленных в губернском городе Ставрополе к концу первого десятилетия XX в., в 1910 г. Дума Ставрополя вынуждена создать «подготовительную о городских пользах и нуждах комиссию», которая должна была, в том числе заняться и организацией заботы о нуждающихся в социальной опеке, число которых в Ставрополе неуклонно росло [15].

Создание Ставропольского губернского земства в 1912 г. как органа местного самоуправления, наделенного законом правом и обязанностью организовывать работу в сфере социальной защиты «недостаточного» населения в регионах [31, с. 14–21], и первые действия ставропольских земцев в области общественного призрения давали надежду на то, что жизнь жителей Ставрополя заиграет новыми красками, в том числе, из-за объединения усилий земства и городских властей в области социального попечения.

Но начавшаяся вскоре Первая мировая война принесла много новых и очень масштабных проблем, связанных с резким падением уровня жизни всех основных групп населения и появлением таких категорий нуждающихся в социальном внимании людей, как раненые и больные войны, инвалиды войны, дети погибших солдат и вдовы, беженцы. Ставропольское губернское земство и городское общественное управление, войдя в состав, соответственно, Всероссийского земского союза помощи раненым [22, с. 97] и аналогичной общероссийской организации, объединившей города, естественно сосредоточили основные усилия на лечении и призрении раненых и больных участников боевых действий. Хотя, даже в ситуации вынужденного резкого смещения акцентов в сторону помощи непосредственным жертвам военных действий, Ставропольское губернское земство, как орган местного самоуправления, обеспокоенный ростом проблем мирного населения, в разгар войны находит время и средства на подготовку и проведение в 1915 году Ставропольского губернского съезда по общественному призрению [40].

К сожалению, несмотря на предпринимаемые земским и городскими властями усилия, на активное гражданское участие в организации и предоставлении помощи нуждающемуся в ней, война и связанные с ней последствия не только оттягивали на себя основные силы и средства, но и вели к той черте, когда масштаб нарастающих в геометрической прогрессии проблем неминуемо вел к социальному взрыву.

Очевидно, что на протяжении всей истории возникновения и развития города Ставрополя в рамках Российской империи благотворительность была значимой составляющей его муниципальной жизни: как в создании и совершенствовании городской инфраструктуры и благоустройстве Ставрополя, так и в улучшении качества жизни неимущих и малоимущих горожан. В ее основе лежали многовековые традиции отечественной благотворительной практики, реализуемые в рамках существовавшей в России системы общественного призрения и частной благотворительности. При этом специфика осваиваемого региона и статус военно-административного центра этого региона, который Ставрополь имел, практически до 1870-х гг., предопределили ряд особенностей, как в содержании городской благотворительной практики, так и в характере и степени ее влияния на решение муниципальных проблем.

Литература

1. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь, 2007.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.7. Оп. 2. Д. 144.
3. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 986. Л. 5.
4. ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 382. Лл. 7–9 об.
5. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 911. Л. 4.
6. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1–2.
7. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 208. Л. 12–14 и др.
8. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 360. Л. 40.
9. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 586. Л. 12.
10. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8634. Л. 5.
11. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8652. Л. 50.
12. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8693. Л. 274–275.
13. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8707. Л. 311.
14. ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2640. Л. 10 и др.
15. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2195. Л. 22.
16. ГАСК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 125. Л. 17.
17. ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–2.
18. ГАСК. Ф. 240. Оп. 1. Д. 290. Л. 4.
19. ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 953. Л. 5.
20. ГАСК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
21. Доклады губернской земской управы по народному образованию третьему очередному губернскому земскому собранию 1915 года. Вып. 1. Ставрополь, 1916.
22. Загряцков М. Всероссийский земский союз // Земское дело. 1915. № 2.
23. Иманаева И. С. Городское самоуправление на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.
24. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851.
25. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1901 год. Ставрополь, 1902.
26. Отчет Ставропольского городского попечительства о бедных за 1902 год. Ставрополь, 1903.
27. Отчет Ставропольского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения («Патронат») за 1911–1912 гг. Ставрополь, 1913.
28. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997.
29. Покотилова Т. Е. Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. Ставрополь, 1998 и др.
30. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 20. СПб., 1830.
31. Полное собрание законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 39. Отд. 1. № 40456. СПб., 1865.
32. Северный Кавказ. 1886. № 21.
33. Северный Кавказ. 25 декабря 1897 г. № 103.
34. Ставропольская городская Дума. 200 лет. Историческая хроника – Ставрополь, 2009.
35. Ставропольские губернские ведомости. 1853. № 1.
36. Ставропольские губернские ведомости. 1853. № 1.
37. Ставропольские губернские ведомости. 1878. № 46.
38. Ставропольские губернские ведомости. 1882. № 38.
39. Ставропольские губернские ведомости. 1890. № 3.

40. Ставрополь Кавказский. Историко-статистический очерк // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь, 2007.
41. Труды Ставропольского общегубернского съезда по общественному призрению. Ставрополь, 1915.
42. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. 31. СПб., 1900.

УДК 122

Пошнагиди Фотини Федоровна

ГИПОТЕЗЫ МИРОЗДАНИЯ (ФИЛОСОФСКИЙ ОБЗОР)

В статье предлагается обзор различных подходов к проблеме происхождения Вселенной. Особый акцент делается на необходимости сочетания научных и теологических позиций. Это обосновывается тем, что решение обозначенной проблемы не подвластно одной науке.

Ключевые слова: гипотеза, наука, исследователи, Высший Разум, большой взрыв, случайность.

Poshnagidi Fotini F.

HYPOTHESES OF WORLD CREATION (PHILOSOPHICAL OVERVIEW)

The article offers an overview of the different approaches to the problem of the origin of the Universe. Special emphasis is on the need to combine the scientific and theological positions. This is substantiated by the fact that only one science can't solve the stated problem.

Key words: hypothesis, science, researchers, Higher Mind, a big bang, accident.

Субстанция – это философская категория, которая фиксирует внутреннее единство всех вещей, явлений, процессов, первооснову, ни от чего не зависящую, причину всего и вся. Другими словами, это общая основа всего существующего. Об этом феномене спорили в древности, в эпоху античности, о нем спорит современность. Много различных сменяющихся, несовместимых и противоречивых решений по поводу субстрата создано усилиями человеческого интеллекта. С ним связана неуловимая загадка зарождения жизни и всей Вселенной, которая волновала человечество во все времена. Сколько раз казалось, что удивительная тайна мироздания раскрыта и очевидна! Отгадка периодически реет на знаменах науки. Но, увы, ни одно исследование не является логически завершенным. Все остается на уровне гипотез. Рассмотрим их.

Многие ученые (А. И. Опарин, Дж. Б. С. Холдейн и другие), исследующие проблему происхождения жизни, создали нехитрую модель, согласно которой в результате естественных химических процессов из неживой материи зародились первые живые клетки. Однако не успели высохнуть чернила, начертавшие подобную истину, как было исследовано космическое пространство, которое представляло собой настоящий химический процесс, однако жизни там не было. Так зачем же надо было изобретать велосипед на Земле? Тогда появляется другая версия: элементы живой материи были занесены из других планет. Но подобное заявление позволяет, по крайней мере, говорить о возможности жизни на Земле, но не о причине и первооснове всего мироздания.

Следующая версия – гипотеза пространственно-временных туннелей Дж. Уилера, которая допускает возможность переместиться в прошлое, будущее и параллельные миры. Опять-таки возникает вопрос: откуда же взялись эти туннели и эти миры? Точно так же ни одни научные исследования не проливают свет на появление первой живой клетки. Считают, что зачатки жизни – это последствия особого стечения случайных обстоятельств, послуживших началом биохимических процессов, что привело к самообразованию живой клетки из неживой материи. Данная точка зрения уже в зародыше была отвергнута светилом биологии Френсисом Криком, первооткрывателем генетического кода. Его категорическая и научно обоснованная фраза «Нет! Это невозможно!» перечеркнула идею о самозарождении клетки. И версия, по которой жизнь рассматривалась как слепой случай, окончательно распалась, как стекла калейдоскопа. Развитие биологии и генетики научно и неоспоримо доказало невозможность случайного возникновения среды, в которой живет человек, а также невозможность объяснения появления и развития самого человека никакими чисто эволюционными процессами. Современный ученый Н. Верещагин, математик, заявляет, что ему крайне сомнительными видятся представления о том, что жизнь и сознание могли зародиться и прогрессировать вследствие чисто случайных процессов.

Сегодня остается загадкой, откуда взялся человек. Современный Homo-Sapiens – предполагаемый результат эволюции гоминидов. Но, увы, в цепи гоминидов не найдено то самое решающее звено, которое связывало бы воедино ныне живущего разумного человека и его далеких предков,